

АЛЕКСАНДР
БУШКОВ

СОКРОВИЩЕ
АНТИКВАРА

ОЛМА МЕДИА ГРУПП

наперевес, ковыряя все места, где можно подозревать тайник, — вдруг да еще осталось что-то?).

Все вроде бы в ажуре. Евтеев остается *занозой*, но не особенно и страшной. К тому же полной определенности нет, он еще и помереть может запросто, что никак не повергнет Смолина в горькие рыдания.

Золотишко отдадут не сегодня завтра. Татарин точно не жилец. Все вроде бы благополучно утряслось.

Самое смешное, что Смолин, прислушиваясь к себе, временами чувствовал некую смутную тоску и внутреннюю опустошенность. Он словно бы достиг *вершины*. Звездный час остался позади. Любой антиквар согласится, что стать обладателем сразу семи подлинных яиц Фаберже — это

вершина, пик карьеры. Непонятно даже, *что* теперь нужно найти, чтобы превзойти это достижение. Куда двигаться дальше по служебной лестнице фельдмаршалу? Да некуда, просто никаких более старших чинов в воинских уставах не предусмотрено. Что бы ни свершил, помрешь, один черт, тем же фельдмаршалом...

Правда, эти душевные терзания были не такими уж и сильными. Смолин не собирался тяготиться всерьез этакой лирикой — особенно теперь, когда перед владельцем яиц Фаберже, пусть даже и чистейшим перед законом, встают серьезнейшие жизненные проблемы, о каких прежде и не думал...

— Ты почему не ешь? — разогнал его невеселые мысли озабоченный голосок

Инги.

Так заботливо это прозвучало, что и в самом деле хоть умиляйся. После возвращения из Курумана как-то само собой так получилось, что Инга к нему перебралась с изрядным количеством пожитков, начиная с компьютера и заканчивая дурацкой сиреневой лягушкой из какой-то ворсистой синтетики, размером с доброго пуделя. И началось, выражаясь шершавым языком юриспруденции, совместное ведение хозяйства. Нельзя сказать, чтобы Смолину это не нравилось. Он реагировал, в общем, положительно. Одного побаивался: как бы не нагрянула в гости гражданская теща посмотреть, к кому же ушла ее кровиночка, начавши совершенно взрослую жизнь.

Визита гражданского тестя он как раз не опасался: Инга скуповато делилась семейными секретами, но все же давно удалось узнать, что папаша, субъект не особенно и приглядный, от них давно уже слинял, и слава богу. Зато маменька с высшим гуманитарным образованием как раз наличествовала — и, судя по тем же скупым обмолвкам, о реальном возрасте нынешнего дочкиного сожителя представления не имела. Учитывая, что она вроде бы моложе Смолина, и значительно, можно было, теоретически рассуждая, ожидать коллизий. Педофилию, вот радость-то, в данном конкретном случае ни за что не пришьешь, но неприятные беседы возможны. От гуманитариев женского пола, сформировавшихся как личности

при советской власти и не вписавшихся в рыночную экономику, можно справедливо ожидать весьма даже бурной реакции на *этакую* дочкину личную жизнь. Ладно, авось не найдет и не выследит, а стыд не дым, глаза не выест...

— Потом поем, — сказал Смолин, все еще под воздействием тех самых невеселых мыслей.

— Есть надо регулярно, — наставительно сказала Инга. — Желудок посадишь. Тебе не двадцать, в конце-то концов.

Смолин ухмыльнулся про себя. Занудством это никак не отдавало, просто, надо полагать, включился извечный механизм *хозяйки*. Ладно, переживем, не напрягает...

— Сейчас поем, — сказал он. —